

А. И. Першина

студентка группы 27Ф1401

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

ОБРАЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В РОМАНЕ Н. А. ЛУХМАНОВОЙ «В ГЛУХИХ МЕСТАХ»

Ключевые слова: региональная литература, образ Сибири, Лухманова.

Процесс покорения Сибири (XVI–XX вв.) повлек за собой геополитическое освоение региона и закрепил образ Сибири в художественной литературе. В сознании россиян Сибирь обрела свойства мифологической страны мертвых, так как была знаменита своими каторгами, принудительными поселениями и тюрьмами [6, с. 254]. Литературовед М. К. Азадовский писал: «Сибирь воспринималась главным образом как страшная и суровая страна, как мрачный край изгнания и ссылки» [1, с. 166].

Традиция восприятия Сибири как страшной и суровой страны утвердилась еще в «Житии протопопа Аввакума». В его восприятии Сибирь — это земля ссылки, страна нужды: «Страна варварская, иноземцы немирные» [цит. по: 7].

Противоположное представление о Сибири складывается в XVIII в. Как отмечает Е. Н. Эртнер, традиция изображения Сибири как красивого и веселого места начинается с описаний академика Миллера. Речь идет об известном труде историографа «Описание сибирского царства». Так, например, Миллер пишет о Тюмени: «Редко какое место красотой ему подобно» [цит. по: 7].

К XIX в. в литературе складывается два противоположных образа Сибири. С одной стороны, это «глухие», «гиблые», «чужие» места. С другой, родное место, сказочная, прекрасная земля.

Оба этих образа находят свое отражение в романе Н. А. Лухмановой. Трактовка Сибири как «гиблого, чужого, *глухого*» места подчеркивается названием произведения — «В глухих местах».

Сама писательница, отражая в дневниковых записях впечатления о приезде в Тюмень, писала: «Проезжали через зажиточные села. По обе стороны широкого тракта тянулись переселенцы, изредка попадалась сеть повозок с солдатами на козлах, бряцали цепи,

блестели штыки. И когда умолкал шум и пыль, перестав крутиться, точно с тоской падала на грудь дороги, в душе все еще жило тяжелое впечатление проезда ссыльных, в ушах все еще раздавался лязг железа, скрип колес и обрывки дикого смеха или стопа...» [2, с. 83].

Сибирь в образе «дикого», «глухого» места и в самом романе предстает в сознании приезжего, который еще не проник в жизнь сибиряков.

Особенно сильно воспринимает Сибирь «другой страной» герой романа Александр Павлович Вязьмин — инженер, приехавший в Тюмень из Петербурга. «Тишина города как-то давила его; он чувствовал, что это не то обыденное, ленивое спокойствие, которое он привык встречать в петербургских дачных местностях. Там чувствовалось, что жизнь как бы притаилась где-то в беседках, в прохладных комнатах за спущенными портьерами. Молчание же этого *чужого* города, казалось ему, было полно какого-то смутного недоброжелательства» [3, с. 113].

Предчувствие не обмануло приезжего, ему на личном опыте пришлось убедиться: недаром в народе Сибирь считалась «страной смерти». Проснувшись рано утром, Вязьмин услышал «непривычный гул голосов» и топот бежавших людей. Выйдя во двор, инженер увидел страшную картину: «перед ним лежал пустырь, на нем одинокий, как брошенный с неба, маленький домик, за ним, сливаясь с горизонтом, вилась бесконечная серая дорога, а перед домиком на уцелевшем острове ворот висело что-то тонкое, беззащитно-жалкое. Он понял, что то был труп маленькой красавицы Лии» [Там же, с. 142].

Детали, которые использует Лухманова для описания пейзажа, тоже веют холодом и отчужденностью: «пустырь», «одинокий дом», «бесконечная серая дорога». Подобные характеристики встречаются практически в каждом описании сибирской природы в романе Лухмановой с точки зрения стороннего наблюдателя.

Тема природы является доминантной в литературе Тюменского края. В произведениях региональных писателей природа неотделима от человека; здесь люди и животные — единый мир. Авторы подчеркивают бережное отношение человека к окружающему миру [5, с. 271].

В восприятии природы проявляется другой образ Сибири: это уже не «гиблый, чужой мир», а земля предков, дом. Таким видят Тюменский край те герои Лухмановой, для которых он является родным. В отличие от Вязьмина, они не испытывают давления молчаливого, тихого города, а, напротив, обретают в нем покой: «*Словно*

сказка, — подумала Фелицата, — *безмолвно, тихо* все кругом... ни человеческого голоса, ни крика звериного...» [3, с. 53].

«Смолистый знакомый аромат обвеял больную голову Парамона, и *природа, которую* так бессознательно, *страстно любил* Парамон, словно *отогрела* его страдающую *душу*. Растопился горю камень, лежавший на сердце его, потоком хлынули из глаз его слезы, вздынул он руки к небу высокому: “Ах, ноченька, ночушка темная! Ах, звездочки, божьи лампадушки! Ах, ветер, дыхание ангельское! Ах, бор, зеленый, дремучий! Отныне вы — мои и дом, и родина, вы и судьбы, и милостивцы мои!”» [Там же, с. 109].

Здесь стоит обратить внимание на слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые используются в речи героя. По мнению лингвистов, они указывают на предметы, не представляющие для человека опасности, угрозы или трудностей [4, с. 109]. И так даже на языковом уровне подчеркивается близкое отношение сибиряков к родной земле.

Однако выбранное Лухмановой название очерка можно трактовать иначе: как синоним «тайных мест», где нашли укрытие старообрядцы, гонимые государством после церковного раскола. В этом случае мотив «глухого места» ярко прослеживается на примере дома семьи Глазовых — обособленного, священного места, закрытого для непосвященного человека. Поэтому с приходом «непосвященных» инженеров, строящих железную дорогу, жители решаются на саможжение в своих домах, не допуская таким образом «пришлых» на свою сакральную территорию.

Усиление границы между домом и городом было присуще не только старообрядческим домам. Практически каждое здание, описываемое в очерке, имело крепкое ограждение. Стекланный завод Овечкина был окружен лесом и обнесен «высоким забором с гвоздями и битым стеклом» [3, с. 32]. За бесконечным высоким забором кожевенного завода Круторогова «день и ночь слышалось бряцанье и свирепый лай собак [Там же, с. 110]. Ивановский монастырь также «обнесен высокой деревянной оградой с крепкими воротами» [Там же, с. 38]. Сибирский дом в романе Лухмановой — настоящая крепость. Сибирский город глазами приезжего будто тоже «каменный», «неживой», дикий и враждебный.

Однако Сибирь в образе «дикого», «глухого» места предстает лишь в сознании стороннего наблюдателя, у которого нет возможности проникнуть в таинственную жизнь сибирских крепостей.

Ивановский монастырь, «кругом которого один суровый лес», изнутри совсем не страшен: уютные и светлые комнаты, громадные олеандры, белоснежные занавески вызывали чувство покоя, надежды на лучшее: «Хорошо у них тут...» — сказала старуха, глядя на белую штору, герань и бальзамины на окне» [3, с. 44].

Вечерами, тишина которых так смущала приезжего Вязьмина, население Тюмени чувствовало себя прекрасно. Покончив с делами, горожане расходились по домам, ужинали рыбой, бараньим стегом, пили домашнее пиво. Во время застолья нелюдимые сибиряки были как никогда веселы и открыты: старик Артамон Степанович «без сюртука, в одной шелковой рубахе <...> хохотал от восторга» [Там же, с. 174]; собравшаяся в доме Крутороговых компания тоже «хохочет, обнимается, лобызается и пьет» [Там же, с. 175].

Но атмосфера праздника была ощутима только внутри дома, где зажигались лампы, веселились люди. Улицы Тюмени с приходом темноты превращались в место действия самых ужасных историй: «Наружное освещение улиц коснулось лишь Соборной площади <...>, поэтому с ночи город погружался во тьму. Воровство, грабежи, избиения, убийства, покусы горожан бродячими собаками случались не только почти каждую ночь, но и днем» [2, с. 85]. Такой же мрачной предстает ночная Тюмень и в очерке Лухмановой: «Темнота города, не имеющего нигде фонарей, тяжелое безмолвие немощных, густо высоренных одубиной улиц, на которых шаги отдаются только *глухим* шорохом, вой сторожевых собак — все в этой *чуждой, неприязненной* ночи расстроило нервы» инженера Вязьмина [3, с. 131].

Таким образом, Сибирь в очерке Н. А. Лухмановой «В глухих местах» предстает в разных ипостасях. С одной стороны, с точки зрения стороннего наблюдателя, это «лихая» земля, староверческая, глухая. Она не принимает чужих. Темные тучи, шорох испуганно трепетавших крыльев, злобный лай погружали приезжего в мир таинственно-страшной сказки, пребывание в которой было невыносимо. Сказкой кажется пространство города и тем героям Лухмановой, для которых Тюменский край является родным. Но им убежать из нее не хочется.

И все же Западная Сибирь — это особый, закрытый мир. Не приживается здесь добропорядочный Вязьмин; не сдаются сибирские староверы под натиском «проклятых» «пришлых» инженеров, строящих железную дорогу; хозяин здесь, как и много веков тому назад, — сибирский бродяга, для которого тайга — настоящий отчий дом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1947. 166 с.
2. Колмогоров А. Г. Мне доставшееся: семейные хроники Надежды Лухмановой. М., 2013. 464 с.
3. Лухманова Н. А. Очерки из жизни в Сибири: избранные произведения / сост. Ю. Л. Мандрика; предисл. К. Я. Лагунова; прим. Н. Ф. Швейбельман. Тюмень, 1997. 464 с.
4. Рябцева Н. К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000. С. 108-117.
5. Сайфулина Ф. С. Региональная литература: особенности литератур народов Тюменского края // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. Т. 1. Казань, 2006. С. 270-272.
6. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М., 2009. 336 с.
7. Эртнер Е. Н. Традиция восприятия Сибири как «царства» и «страны» Г. Ф. Миллера в литературе Тюменского края XVIII-XIX столетий // AUS SIBIRIEN. Тюмень, 2005. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2005/ertner-e.n.-tyumen-rossiya-tradiciya-vozpriatiya>

В. В. Петров

студент группы 27Ф1301

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ЛИТЕРАТУРЕ ФАНФИКШН

Ключевые слова: фанфикшн, нарратив, нарративные схемы, фольклор, постфольклор, вариативность.

Долгое время в отечественной филологии бытовало мнение о фанфикшн как о маргинальном явлении, недостойном серьезного изучения. Однако в последние годы исследователи все чаще обращаются к текстам фанатской литературы. Фанфики относят к постфольклору, причисляют к сетевой литературе (или сетературе),